Половицы слегка стучали под ногами Гермионы, когда она летела по дому. Ее глаза были наполовину ослеплены обжигающими слезами, и она три или четыре раза цеплялась за дверную ручку, прежде чем ей удалось заставить ее работать. Ее дыхание было резким, шумным, с задержкой посредине. Она подумала, что ее грудь вот-вот взорвется, и с трудом сглотнула, чтобы сдержать чувство тошноты.

За маленькой дверью в дальнем конце коридора виднелись кривые, шаткие ступени, ведущие наверх. Она поднялась по ним, спотыкаясь, помогая ей передвигаться по крутой лестнице руками.

Через другую дверь она вышла на чердак, заваленный тряпьем и брошенными коробками. Одно маленькое окошко в дальнем конце пропускало солнечные лучи, в которых танцевали бесчисленные пылинки. Она шла к медовому бассейну солнечного света, отчасти отчаянно желая немного погреться в тепле и вспомнить время, когда жизнь была хорошей. Она вздохнула, но в то же время всхлипнула. Она не заслуживала солнечного света. Из-за нее Артур Уизли был серьезно ранен, возможно, даже сейчас умирал, а она была слишком труслива, чтобы даже вынести последствия своих действий. Трусливый! Худшее оскорбление, которое мог вынести гриффиндорец.

Ее щеки застыли от высохших слез, которых она не могла вспомнить. Она намеренно отвернулась от солнечного света и забила в самый темный угол чердака, свернувшись калачиком на пыльном ящике, и впервые в своей юной жизни по-настоящему пожалела, что тоже не может умереть.

Моя вина, моя вина, моя вина, пульсировало в ее голове в унисон с сердцебиением. Если бы ей помогли в доме Риддлов, возможно, Волан-де-Морт не взял бы ее палочку. Если бы мистер Уизли не пошел к Олливандеру в попытке достать для нее новый, то он - он - и тут снова покатались горячие слезы - он не был бы ранен. Все поверили в это, подумала она, вспомнив, как все взгляды медленно устремились на нее. Лицо Рона было вялым и серым, и он смотрел на нее с чем-то неопределенным, сверкающим в его глазах.

Если мистер Уизли умрет, мы все станем сиротами. Все мы. И это моя вина. Она снова подумала, скрестив руки на согнутых коленях и погрузив голову в их успокаивающий круг. Однажды я поссорился с Гарри из-за его «спасения людей». И я не лучше. Думал ли я, что должен что-то доказывать ему — кому угодно — спасая его в одиночку?

Ящик, стоящий рядом с ней, был наполнен столовой посудой, как она вдруг заметила, красивыми фарфоровыми тарелками с нарисованным от руки желтым цветком, который едва проглядывал через щель в защитной коричневой бумаге. Он слегка зашуршал, когда она отодвинула его в сторону и вытащила хрупкое блюдо, лишь слегка присыпанное пылью; она повертела его в руках, созерцая края сусального золота, словно в них заключались тайны вселенной. Горло невыносимо болело, глаза горели.

Движимая неконтролируемым порывом, она швырнула тарелку через всю комнату, где она довольно благополучно разбилась. Затем она встала, выпрямившись из своего положения на ящике, и выбрала другую тарелку. Она подумала о малыше Гарри в своей кроватке, его

большие растерянные глаза видели смерть его матери, когда он, сам того не подозревая, столкнулся лицом к лицу с самым опасным волшебником современности. Звяканье осколков фарфора, ударяющихся о стену и падающих на пол, было почти музыкальным.

Она подумала о Билле, Чарли, Джордже и миссис Уизли, сбивающих Джинни с пути летящего проклятия. Она подумала о Грозном Глазе Грюме, окруженном Пожирателями Смерти, сражающемся до последнего. Она подумала о Джинни, бледной, хрупкой и неподвижной на больничной койке. Авария. Горячие слезы застилали ей зрение, так что тарелки выглядели только как переливающиеся белые диски, взрывающиеся о стену внезапными шлейфами тонких окрашенных обломков.

Она подумала о Перси и Флер, их судьба была загадкой. Она подумала о Гарри, которого сажают в эту ужасную камеру, избивают, с которым играют, мучают. Она подумала о мистере Уизли, об успокаивающем прикосновении его рук и запахе его твидового пиджака. Она представила, как он проходит мимо «Олливандера», шагает в зияющий дверной проем, ищет в беспорядке палочки из виноградной лозы, надеясь найти что-нибудь, что она могла бы использовать. Ее дыхание сбивалось в груди; она практически стонала с каждым вдохом, когда тарелки вылетали из ее рук с легкостью невероятного гнева, нарастающей волны негодования и ненависти к себе.

— Гермиона? — раздался голос, так резко прорезавший шум бьющейся посуды, что Гермиона подпрыгнула. Она снова присела на верх своего ящика, так как из-за других штабелей она вообще не могла видеть Гарри, и промолчала. — Гермиона, я знаю, что ты здесь. Теперь она могла слышать его дыхание, и оно звучало тяжело и устало. Ее неумолимо одолевало еще большее чувство вины.

— Как ты узнал, что я здесь? — хрипло и несколько глуповато выпалила она и встала из своего затаившегося положения. Он стоял посреди чердака, в джинсах и футболке, босиком, и выглядел так, будто дуновение ветерка могло его сбить с ног. Взгляд его скользнул к сугробу осколков белого фарфора.

— Кроме звука разбивающегося стекла, ты имеешь в виду? — осторожно спросил он, вопросительно приподняв брови и выглядя больше похожим на Гарри в Хогвартсе, чем когда-либо. С ее губ неожиданно сорвался смех, но почти сразу перешедший в рыдание.

«Потому что именно сюда я пришел бы», — просто ответил он. Казалось, он хотел бы сказать больше, но на лестнице раздался шумный стук, дверь чердака снова открылась, и Тонкс практически провалилась в комнату.

— Гарри, что происходит? Я знаю, что сказал, что не собираюсь сюда подниматься, но шум — с тобой все в порядке?

— Все в порядке, Тонкс, — сказал Гарри тихим, ровным голосом. Его взгляд метнулся к Гермионе, которая теперь неуклюже стояла у груды ящиков, подбоченившись. «Гермиона... выдыхалась».

— А, — понимающе сказала Тонкс. — Что ж, тогда я оставлю тебя с этим, — сказала она, пятясь к двери, но сочувственно улыбнувшись Гермионе, прежде чем снова закрыть ее.

"Он не-?" — спросила Гермиона едва разборчивым голосом. Она подошла к нему, и ее ноги с хрустом захрустели разбитым фарфором. Он протянул ей руку, и она вложила свою руку в его руку.

— Он все еще жив, — тихо сказал Гарри. Он рассеянно погладил ее костяшки пальцев большим пальцем. «МакГонагалл делает все, что может. И он силен. Есть много зелья, восполняющего кровь».

— Он искал палочку — палочку для меня... — начала она, запрокинув голову, чтобы посмотреть на него. Он прижал ее голову к своей груди, обнял ее и провел одной рукой по длине ее растрепанных волос. «Он сказал мне сегодня утром, что он... что он знал, что он не мой фа... отец, но если я когда-нибудь захочу поговорить...» Ее голос был высоким и дрожащим.

«Он хотел помочь тебе, Гермиона. Он любит тебя, как если бы ты была его родной дочерью. Он знал о рисках». Молли и я — мы знали возможности... Мертвый груз снова лег на ее грудь, горячая пена поднималась к горлу. Она шумно сглотнула.

— Если бы я не... — хрипло начала она, а потом остановилась, как будто тщательно подбирая слова. «Если бы я не ушел один, чтобы спасти тебя... если бы мне помогли, у меня все еще была бы моя палочка, а он — а он бы...»

"Тогда это сделает это моей ошибкой, верно?" — сказал он, стараясь говорить легко, но рот его скривился в горькой искривленности, а в глазах не было веселья. «Если бы меня не схватили, вы бы не пришли за мной».

Гермионе казалось, что она растворяется в луже жидкости, мокрой, грустной и одинокой, свернувшись калачиком.

"Гарри!" — сказала она протестующим шепотом. Он слегка пожал плечами и посмотрел на свои босые ноги, как будто отмахиваясь от ее возмущенного крика.

— Не возражаете, если я попробую? — спросил он, указывая на ящик с посудой. Гермиона посмотрела на него, более чем озадаченная.

— Ты хочешь... бить тарелки? — неуверенно пробормотала она.

"Вы были," указал он, без суждения.

— Я была... я была... мне стыдно за себя, Гарри, — наконец сказала Гермиона, подперев лоб рукой. "Я - это все - так много поставлено на карту - жизни людей в опасности! И - и я прихожу

сюда и закатываю истерику, как двухлетний ребенок! Прости, Гарри."

Она остановилась, когда снова посмотрела на него и обнаружила, что он смотрит на нее. В его глазах был свет, но она не назвала бы его выражение приподнятым. У нее действительно сложилось отчетливое впечатление, что он видит что-то, чего она не видела, и она нервно оглянулась через плечо.

"Гарри?" — спросила она, и он вздрогнул, когда блеск в его глазах погас. Его плечи поникли, и он сунул руку в карман. Она с любопытством наблюдала за ним, задаваясь вопросом, о чем он думал, когда только что смотрел на нее, и почему он снова стал похож на побежденного Гарри из прошлого.

- П-прости, - пробормотал он, слегка покраснев. "Сбор шерсти." Он подошел к ящику, который она бросила, осторожно ступая, чтобы не разбить осколки фарфора, и взял тарелку. Эта была несколько больше, возможно, десертная тарелка. Гермиону охватило дежавю, когда он на мгновение внимательно осмотрел тарелку, прежде чем повернуться и швырнуть ее в стену. Он ударил немного выше, чем ее, и произвел более громкий удар. Осколки со звоном упали на пол, присоединившись к и без того впечатляющему беспорядку Гермионы.

Он потянулся за другой тарелкой и протянул одну Гермионе. Она приняла его и посмотрела на него с немного ошеломленным выражением лица. Он просто наблюдал за ней, ожидая, и она знала, что он не понимает, почему она чувствовала себя странно, бросая тарелки со свидетелем, когда она так эффективно уничтожала их до его прихода.

— Гарри, я... — сказала она возражающим тоном, пытаясь вернуть ему тарелку. Он отрезал ее.

— Бросай тарелку, Гермиона, — категорически сказал Гарри. Это был почти приказ, и часть Гермионы ощетижилась от его безапелляционного тона.

— Я уже сделала такой беспорядок... из всего, Гарри. И кто-то другой должен будет все убрать, и... и... Она уже не могла понять, говорит ли она о фарфоре или о чем-то другом. «Я в порядке, правда. Я просто собираюсь идти - есть некоторые исследования, которые я мог бы...» Она начала было направляться к выходу, но он протянул руку и схватил ее за плечо. Она остановилась и посмотрела на него с легким удивлением, зная, что могла бы легко уйти от него в его ограниченных возможностях.

"Просто бросьте эту чертову тарелку, пожалуйста!" — сказал он усталым голосом.

"П-почему?" — спросила она, выглядя искренне сбитым с толку.

— Почему ты делал это раньше?

«Я... наверное, я была зла и... и напугана...» рискнула она, нахмутив брови над широко

раскрытыми влажными глазами.

— И ты можешь злиться, Гермиона, — сказал он, когда в его зеленых глазах появилась вспышка этой эмоции. «Это не нормально — то, что случилось с нами — то, что он сделал с нами — со всеми — это не нормально. И мы можем злиться». Он бросил тарелку, не глядя, и когда она врезалась в стену, Гермиона вздрогнула. Челюсть его дрожала от подавленного чувства. «И мы можем быть напуганы. И нам может быть стыдно. И мы можем быть разочарованы. И мы можем чувствовать себя беспомощными. И мы можем хотеть справедливости». С каждым предложением он бросал тарелку, а когда наконец остановившись, выжидающе глядя на нее, она тоже бросала свою.

После небольшого колебания она присоединилась к нему сбоку от ящика, и вместе они молча и быстро начали его полностью опорожнять. Она начала ощущать, как в ней бушует гнев, казалось, что он вырывается из ее глаз и трещит по кончикам ее волос. Если бы у меня была палочка и Волдеморт был бы прямо сейчас передо мной... подумала она. Она потянулась за одной из последних оставшихся тарелок, когда Гарри внезапно остановился и подошел к окну, задумчиво глядя в него.

Гермиона бросила тарелку обратно в ящик, где она раскололась на несколько больших кусков.

— Гарри, в чем дело? Он окинул ее унылым взглядом, его глаза ясно говорили: в чем дело? Все дело! Он засунул руки в карманы и одним плечом прислонился к окну. Гермионе показалось, что он выглядит так, словно хочет ей что-то сказать, но не позволяет себе. «Слишком много от этого маленького мальчика в чулане под лестницей», — подумала она и ободряюще улыбнулась ему.

«Я скучаю по нему», — наконец сказал он, глядя на неясный горизонт, где океан встречался с небом. Ему не нужно было быть конкретным; она знала, что он имеет в виду. Его магия.

— Я знаю, — просто сказала она. "Мне жаль." Это было бессмысленно; это было бесполезно; это было клише. Но это было правдой. Никогда в жизни она не имела в виду ничего более искреннего.

— Все произошло так быстро, — резко повторил он, снова погрузившись в тишину. Гермиона кивнула. Всего пять дней... пять дней с тех пор, как наступил конец света.

— Если бы мы... если бы я нашла тебя раньше... — неровно пробормотала она, но он поднял руку, чтобы остановить ее.

— Гермиона, не надо, — сказал он почти мягко. «Это демпфирующее поле было настроено на меня. Я сидел там, связанный, пока Волдеморт и Люциус Малfoy настраивали его на частоту моей магии. Было чертовски больно. И оно просто... оно просто высасывало магию. на какое-то время. Но мой... это... - Она увидела, как затуманились его глаза, и мягко положила одну руку ему на плечо. «Что-то есть — это было там всю мою жизнь, и я даже не замечал, что это было там, пока я больше не чувствовал этого. Я больше не чувствую этого». Он опустил голову, а

небрежная челка свисала над краем очков, закрывая от нее его лицо. — Ты даже не знал, что делаешь это, не так ли? — спросил он, и она в замешательстве моргнула. «Возьми еще одну тарелку, — велел он.

Потом она заметила. Она потянулась за тарелкой, и когда ее протянутая рука была еще примерно в дюйме от нее, тарелка поднялась до конца, чтобы встретить ее. Она даже не заметила этого, но Гарри заметил, и это снова напомнило ему о его потере.

Гермиона не знала, что на это ответить. Она надеялась всеми фибрами своего существа, что это будет временное состояние для Гарри, как и у нее, только, возможно, дольше из-за его более длительного воздействия. Слышать, как он заявляет так откровенно, что больше не ощущает в себе активного ядра магии — это сильно напугало ее.

Он снова посмотрел на нее, резко, подняв голову почти выворачивающим движением шеи. Сама того не желая, она сделала шаг назад, отшатываясь от волн эмоций, льющихся из этих пылающих зеленых глаз.

— Ты знаешь, что это значит? Ты знаешь, что все это значит? Гермионе показалось, что она шла по мелководью, и земля ушла из-под ее ног. Ей казалось, что она самодовольно пошла на занятия, думая, что готова, только чтобы обнаружить, что там был важный экзамен, о котором она забыла. Она отчаянно ухватилась за то, что он сказал ранее, в лазарете. Я теперь просто обузой .

— Ты не просто помеха, Гарри, — мягко ответила она. Правда заключалась в том, что он всегда был обузой, его присутствие всегда экспоненциально повышало фактор опасности. Но у него всегда была магическая сила, способность быстро мыслить, неукротимое мужество перед лицом явно непреодолимых препятствий. Сколько его имущества было непоправимо повреждено? И где это оставило баланс его бухгалтерской книги?

— Это война, Гермиона! Его голос снова сорвался. — Ты не можешь позволить себе быть сентиментальной. Ты должна... — продолжал он, но она выпрямилась во весь рост, теперь тихо злясь.

«Сентиментальность — это то, что удерживает нас от того, чтобы быть Пожирателями Смерти», — сказала она, откусывая каждый слог отрывистым, ровным, опасным голосом. «Сентиментальность поддерживала нас до сих пор». Он выглядел так, будто хотел с ней поспорить, но она продолжала. — Почему, по-твоему, я пришел за тобой? Почему, по-твоему, я так сильно хотел тебя найти? Ее голос сорвался посреди фразы, и она вяло замахала рукой перед горлом. — У меня для тебя новости, Гарри Поттер! Это не имело ничего общего с желанием забрать наше оружие за победу над Волдемортом! Он моргнул, слегка пораженный. Он открыл рот, чтобы заговорить, и Гермиона бросилась вперед, прежде чем он успел задать вопрос, на который она не хотела отвечать последние несколько дней. У всех было, но тебе действительно было нечего терять, и это — но не отгораживайся от сантиментов. Здесь есть люди, которые любят тебя — и не из-за способности творить магию, — она посмотрела ему в глаза, желая, чтобы вся ее любовь к нему проявилась в ее собственных, отчаянно желая, чтобы он увидел, как сильно он нужен, даже сейчас: «Знаешь, она у тебя все еще есть — Сила,

которой Он не знает».

Он смотрел на нее так, как будто никогда раньше не видел, и она запаниковала, внезапно задаваясь вопросом, не зашла ли она слишком далеко, сказала слишком много. Он протянул руку и взял кончики ее пальцев в свои — так, что они едва держались за руки.

— Ты еще не задавалась вопросом, Гермиона, почему Волдеморт всегда использовал тебя? — спросил он ее, пристально глядя на ее лицо. Он знал, что не может сделать мне ничего хуже, его слова звенели у нее в ушах, и она вдруг почувствовала, что не может нормально дышать. Что-то хрупкое, новое и не совсем неприятное было там, в пыльной, заброшенной атмосфере чердака. Она чувствовала, как он дрожит вокруг них, подвешенный между ними. Она слышала это в своем учащенном пульсе, в неровных дуновениях из ноздрей; она чувствовала это в легком прикосновении его пальцев к ее.

В его глазах вспыхнул огонь, и ее рука дрожала в его руке. Она приоткрыла рот, чтобы ответить, но прежде чем она успела, они оба услышали тяжелые шаги на чердачной лестнице. Гарри отпустил ее руку, и они оба в ожидании повернулись к двери, момент — что бы это ни было и что бы это ни значило — теперь потерян.

Это был Рон. Он был бледен и, казалось, постарел за последние несколько минут на полдесятка лет. Его рубашка была высохшей, жесткой и ржавой от крови, и Гермиона все еще могла видеть, где она застыла в его волосах. Мистер Уизли мертв? Сердце Гермионы подскочило к горлу, и она не могла говорить.

— Как твой папа? — спросил Гарри, в его голосе сквозила неподдельная озабоченность. Рону, казалось, понадобилась целая вечность, чтобы ответить на вопрос, как будто ответ был каким-то тяжелым грузом, который он должен был вытащить из глубин.

— Профессор МакГонагалл думает, что у него получится, — сказал Рон с большим усилием. Гермиона увидела, как Гарри заметно расслабился, а ее глаза с благодарностью закрылись. Она двинулась к Рону, нырнув в круг его рук, поскольку способность стоять, казалось, оставила его. Она помогла ему подойти к ящику и сесть.

«Мне очень жаль, мне так жаль, Рон. Я не думала, что это...» Ее голос превратился в быстрое бормотание, хотя она все еще смутно осознавала, что Гарри стоит посреди мансарды и наблюдает за ними. Он грубо прочистил горло.

— Думаю, я спущусь вниз, — сказал он громко. Рон, казалось, даже не заметил, что Гарри был в комнате; рыжий выглядел ошеломленным и усталым. Когда он заговорил, Гермиона повернулась, стоя на коленях рядом с Роном, и их взгляды встретились с такой силой, что ее физически тряхнуло.

«Гарри...!» — начала она, а потом поняла, что понятия не имеет, что сказать. Она могла читать его лицо, но это была спутанная мешанина эмоций; в его глазах было разочарование, отвращение — к себе или к ней? — смирился, и — там тоже было сострадание.

Он попятился к двери, как будто не мог удержаться от того, чтобы не встретиться с ней взглядом, и она смотрела, как он уходит, даже когда ее пальцы рассеянно гладили Рона по плечу, то похлопывая, то растирая. Когда он, наконец, повернулся к двери, Гермиона напряглась и внезапно вдохнула, как будто удаление его взгляда было чем-то физическим, что было оторвано.

Дверь за ним закрылась, и она даже не могла слышать легкий шорох его босых ног на лестнице.

Она повернулась к Рону, выражение ее лица было печальным и извиняющимся.

— Рон, я так рада, что с твоим папой все в порядке, — искренне сказала она, и он действительно посмотрел на нее, впервые с тех пор, как вошел в комнату. Он наклонился вперед, уперев локоть в колени, и она взяла его руку под руку, прислонившись к его коленям.

— Гермиона, я никогда в жизни не был так напуган, — сказал он ошеломленным, контуженным голосом человека, который слишком много видел и просто не может больше воспринимать то, что видит. «Я тоже не мог его потерять. Я тоже не мог его потерять».

— Однако теперь с ним все будет в порядке, — успокаивающе прошептала Гермиона. Рон оторвал взгляд от далеких ужасов, которые они видели, и снова встретился с ней взглядом.

— Он хотел, чтобы у тебя была палочка. Он сказал это не с обвиняющей ноткой в голосе, а скорее с тоном удивления. Горло Гермионы сжалось.

«Я...» она попыталась сказать.

— Я был против, — сказал Рон. «Я думал, что мы должны вернуться в другой день, когда мы это запланировали. Или что мы должны попытаться найти какого-нибудь торговца палочками, который заключит с нами сделку. Но он хотел. Сказал, что каждый должен чувствовать себя нужным». ."

— Да, — отважилась Гермиона, и из ее глаз наконец полились слезы. Ее кожа была натянутой, слишком сильно натянутой на распухшее лицо. — Но я не спрашивал его, Рон — я ничего не говорил. Я бы не...

«Я нуждался в тебе. Почему этого никогда не было достаточно?» Гермиона огляделась, думая, что, возможно, она не расслышала его должным образом. Он все еще стоял, сгорбившись на коленях, с широко раскрытыми глазами, глядя, и каким-то образом Гермиона поняла, что они больше не говорили о его отце.

«Рон, я не понимаю...» Лжец!

«Ты всегда должен быть — использовать какое-то блестящее новое заклинание или

заклинание, или делать что-то, чтобы спасти Гарри, или помочь Гарри, или сражаться за Гарри. Это то, что заставляло тебя чувствовать себя полезным и нужным. Почему я не мог заставить тебя чувствовать себя нужным? нуждался в тебе». Гермиона отшатнулась от него. Она не хотела заводить этот разговор сейчас, но его использование прошедшего времени не ускользнуло от нее.

«Рон, конечно, ты мне нужен. Ты всегда будешь мне нужен». Она влила в свои слова всю глубину искренности, какую только могла передать, умоляюще глядя на него блестящими шоколадными глазами.

"Ты любишь меня?" Он пронзил ее взглядом, его печальные голубые глаза вдруг стали ясными и острыми. Так вот оно что, подумала она.

— Конечно, я люблю тебя, Рон, — честно сказала она, хотя голос ее стал немного ровнее.

"Тогда - тогда почему - почему мы просто сидим здесь?" он спросил. Он не имел в виду их местонахождение на пыльном, захламленном чердаке, усеянном осколками фарфоровых тарелок по всему полу. Гермиона почувствовала, как ее поза тянется вверх и внутрь, почти вопреки ей, и поджала губы.

— Боюсь, я не понимаю, что вы имеете в виду, — сказала она своим лучшим голосом старосты, из-за чего Рон красочно выругался, но не сердито. Он звучал скорее грустным и побежденным, чем разгневанным. Чувство вины захлестнуло ее тело вместе с притоком крови. Ты даже не можешь сказать ему правду? Разве ты не должен ему хотя бы это?

— Да, Гермиона, — устало сказал Рон. "Когда мы начали встречаться? После смерти Дамблдора? Сколько свиданий мы на самом деле были на свиданиях? Сколько времени мы провели в одиночестве? Сколько раз мы - мы -" он немного споткнулся здесь, но запнулся, "был мы вообще что-нибудь сделали без тебя, без тебя? Он не смог закончить фразу. Его лоб прижался к ладоням, пальцы зарылись в волосы.

— Без меня что, Рон? — спросила Гермиона, ее голос почти полностью подвел ее.

«Ведешь себя так, как будто хочешь оказаться где-то совсем в другом месте», — поспешно ответил он, почти на одном дыхании. Гермиона посмотрела на него широко распахнутыми от боли глазами, полными слез.

«Я никогда...» начала она с обиженным вздохом, но затем остановилась. Когда он поцеловал меня в Военной Комнате Магазины, я отпрянула от него, потому что я... потому что я подумала о Х... Гарри. Я всегда так делал? О, Боже. «Рон...» у нее перехватило горло, а голос звучал почти как хрип. «Рон, мы не должны говорить об этом сейчас. Есть другие вещи - сейчас не время...» Позже, пожалуйста, позже, умолял трюс внутри нее. Мне не нужно, чтобы в моей жизни что-то развалилось, и тебе тоже!

Он поднял голову с рук и вопросительно посмотрел на нее искоса.

«Это то, что вы говорите каждый раз, когда мы пытаемся сделать что-то, что могла бы сделать нормальная пара», — отметил он. «Мы должны помочь Гарри. Сейчас не время для этого, Рон», — процитировал он, не совсем насмехаясь над ней. «Если сейчас не время для отношений и не время расставаться, то для чего, черт возьми, точно время?»

У Гермионы защипало глаза, и она почувствовала, что ей не хватает воздуха в легких. Она вслепую встала на ноги, упираясь в колено Рона, чтобы помочь себе подняться. «Пора расстаться, расстаться, расстаться», — с головокружением подумала она. Он действительно сказал это.

А затем что-то похожее на облегчение нахлынуло на нее, как глоток спиртного, обжигая на пути вниз, но затем успокаивая окутывающим теплом — преследующим чувством вины.

"Ты хочешь расстаться?" — ровно спросила она, и в ее голосе снова мелькнула нотка язвительности префекта. Он посмотрел на нее снизу вверх, и в нем появилось еще одно свидетельство фирменного гнева Уизли. Его уши покраснели.

«Я не хочу встречаться с кем-то, кто не хочет встречаться со мной», — ответил он так же едко, как и она. Гермиона поймала себя на том, что задается вопросом, как они дошли до этого момента, как все пошло под откос, от ее беспокойства за мистера Уизли до этого.

— Я никогда не говорил... — начала Гермиона, не понимая, почему именно она боролась за это печальное оправдание отношений, если только это не было связано с тем, что последние перемены в ее жизни были настолько ужасными, что теперь она вообще боялась каких-либо перемен.

— Было много вещей, о которых ты никогда не говорил, — перебил его Рон, и гнев, казалось, снова улетучился, сменившись лишь ужасным, засасывающим вакуумом безнадежной усталости. Его слова были как пощечина ей в лицо. Она решила перестать это отрицать.

— Прости, Рон, — только и сказала она. «Может быть, если...» она замолчала, и призраки тысячи возможностей, казалось, бесшумноплыли по чердаку. Может быть, если бы мы резвились на седьмом курсе так, как должны были... может, если бы Дамблдор не умер... может, если бы мы не охотились на хоркруксы... может, если бы Волан-де-Морт не атаковал со всей тонкой ловкостью из боевого топора...

— Ага, — сказал Рон, и какое-то время они серьезно смотрели друг на друга. Гермионе невольно подумалось, что она никогда не чувствовала такого единения, такой связи с Роном, как в этот момент. Она и Гарри часто были в одном согласии, единомыслии, отточенном до того, что практически предугадывали мысли друг друга. У них с Роном никогда не было такой гармонии духа.

До сих пор ... подумала она с горечью, и ирония была желчью в ее устах. Тишина, казалось, расширялась до бесконечности во всех направлениях, как будто они были единственными двумя людьми, оставшимися во вселенной.

— Нам нужно пойти посмотреть, как поживает твой отец, — наконец рискнула Гермиона, откашлявшись. Рон кивнул, торжественно, но рассеянно.

Пальцы Гермионы почти сомкнулись на дверной ручке, когда она снова повернулась к Рону, так внезапно, что он чуть не врезался в нее.

— Мы будем в порядке? — выпалила она вдруг. «Сейчас Гарри будет нуждаться в нас больше, чем когда-либо. Мы должны быть в состоянии справиться с этим». Ее глаза были серьезными и темными, но она почувствовала, как жаркий румянец залил ее шею и лицо, а лицо Рона скривилось в задумчивой и несколько горькой улыбке. Он пронизательно посмотрел на нее, и она быстро повернулась к двери, схватила дверную ручку и грубо повернула ее, нырнув в дверь и вниз по кривой лестнице.

— Он мой лучший друг, Гермиона, — торжественно сказал Рон, следуя за ней вниз по лестнице. «Я сделаю все, что в моих силах». Когда они возвращались в лазарет, Гермиона отказывалась смотреть Рону в глаза, задаваясь вопросом, наполовину испугавшись, что именно он увидел в ее лице.

Когда Рон проскользнул в лазарет, Гермиона увидела распростертые тела Джинни и мистера Уизли двумя кроватями дальше. Они оба все еще были без сознания, хотя, насколько она могла судить, забрызганное кровью место было тщательно осквернено. Она смотрела, как Рон опустил на свободный стул у кровати отца, и увидела Гарри, который сидел в своей постели, но выглядел опустошенным, проследил за движением Рона по комнате, а затем посмотрел на нее. Какое-то время она наблюдала за ним с явным беспокойством на лице, а затем отступила, мягко закрыв за собой дверь.

Тонкс лениво сидела на верхних ступеньках, всего в паре метров от двери лазарета. Она бросила на Гермиону острый взгляд, когда младшая девочка села рядом с ней.

"Все хорошо?" — спросила аврор, толкнув плечо Гермионы своим. Гермиона пожала плечами с очень неубедительной мыслью, почему бы и нет? Смотреть.

— Все в порядке, — глухо сказала она. — Как мистер Уизли? Тонкс нельзя было отвлекать таким образом.

— Ну, во-первых, вы с Гарри уничтожили фарфоровую реликвию кого-то из семьи МакГонагалл... — Гермиона сделала тревожное лицо с широко раскрытыми глазами, но Тонкс отмахнулась. «Не беспокойся об этом. Его можно починить. Тем лучше, чтобы потом снова разбить его, верно?» Она подтолкнула Гермиону и улыбнулась, но Гермиона ничего не ответила. «Затем Рон поднимается, Гарри спускается — между прочим, похоже, что противостоящий Ловец поймал снитч — затем вы с Роном спускаетесь, не разговаривая, и он входит, а вы остаетесь здесь. Он не винит вас, правда? он?" — добавила она, подозрительно

глядя на Гермиону.

Затем Гермиона улыбнулась Тонкс с легкой благодарностью. Она быстро покачала головой.

«Нет, нет. Он не винит меня». Она сделала паузу и тщательно подбирала слова. «Это только что подняло некоторые проблемы, которые назревали некоторое время. Я думаю, что мы закончили».

— О, Гермиона, нет! — сказала Тонкс мягким и сочувствующим голосом, и Гермиона могла сказать, что она воображает, как бы она себя чувствовала, если бы она и Ремус разорвали свои отношения.

— Нет, все в порядке... правда, — сказала Гермиона, изображая приятное позитивное выражение, чтобы убедить Тонкс. «Я думаю, что это просто еще одна вещь в моей жизни, которая в последнее время пошла не так, но потом — я все еще жива, я все еще могу —» творить чудеса. Эти слова остались невысказанными, но у нее сложилось впечатление, что Тонкс точно поняла, что она имела в виду.

— А Гарри? Тонкс мягко подтолкнула. Гермиона непонимающе посмотрела на нее.

"Гарри?" — повторила она.

— Ты... это из-за Гарри... ты... ты и Рон...? она возилась вокруг, и Гермиона покраснела, когда поняла, к чему клонит Тонкс.

— Нет, нет, нет, — быстро сказала она. «Это... это было... неизбежно. Гарри не имел к этому никакого отношения». «Продолжай повторять это себе», — раздался в ее голове ехидный голос. «Вы так и не сказали мне, как себя чувствует мистер Уизли», — вдруг вспомнила она. Рот Тонкс скривился, а глаза стали туманными и отстраненными.

— Он держится. Минерва остановила кровотечение, и это было главной заботой. Если его кровь вовремя восполнится, то он должен быть в порядке, — мягко закончила Тонкс.

— Если я... — начала было Гермиона, но Тонкс нежно остановила ее, положив руку ей на плечо.

«Гермиона, никто тебя не винит. Артур не стал бы винить тебя. Так что ты не должна винить себя. С тем же успехом Ремус или я могли бы достать тебе палочку, но Артур подумал об этом первым. Ты уже пробовала их? ?»

Гермионе потребовалось некоторое время, чтобы понять, о чем говорит аврор, но потом она вспомнила брошенный мешочек с палочками и стук, который они издали, когда мешочек выпал из ее ослабшей руки.

— Я не могу... я... я уронила его в... в... — пробормотала она, снова чувствуя себя пристыженной. Мистер Уизли рисковал жизнью, чтобы достать вам палочку, а вы даже не можете заставить себя посмотреть, работает ли хоть одна из них!

— Тебе стоит попробовать, — дружески предложила Тонкс. «Таким образом, когда Артур проснется, вы сможете показать ему, какой из них работает». Когда Артур просыпается ... простые слова заставили Гермиону снова прослезиться.

— Но Рон и Гарри... — снова попыталась Гермиона, чувствуя себя слабой и детской. Тонкс улыбнулась, и у Гермионы сложилось впечатление, что Тонкс знает гораздо больше, чем ей прямо сказали.

— Гриффиндорская храбрость, — ободряюще пошутила Тонкс, мотнув головой в сторону лазарета. — Тогда продолжай. Гермиона задумчиво посмотрела на Тонкс и шумно вздохнула, прежде чем подняться на ноги и броситься в дверь лазарета, пока не выговорила себя.

Сумка, которую дала ей Луна, теперь была прислонена к стене рядом со шкафом с зельями, а не посреди пола, куда она ее уронила. Ее лицо горело от стыда, когда она поняла, что кто-то должен был сдвинуть его, кто-то еще, кто знал, что она плюнула на жертву мистера Уизли. Волны взаимных обвинений захлестнули ее, угрожая смыть. Она взяла сумку и заставила себя пройти к кровати, у которой сидел Рон. Она не смотрела на Гарри, хотя и чувствовала его взгляд на себе, словно физическую тяжесть.

"Как он?" — спросила она приглушенным голосом, предназначенным для пребывания больных или раненых. Рон неопределенно кивнул, не глядя на нее, его глаза были прикованы к отцовскому лицу.

Цепляясь ... слово неуместно всплыло в ее голове. Это то, что делал Рон — то, что они все делали, на самом деле — но для Рона это было персонифицировано в образе его отца. Он цеплялся за маленькую семью, которую он оставил, за представление о мире, который исчез навсегда, и ему придется подтягиваться, иначе он упадет. Гермиона молча смотрела на него, размышляя, и ее лоб сморщился от беспокойства. Она чувствовала, как Гарри наблюдает за ними, и между лопатками у нее покалывало.

— Пока он в стабильном состоянии, — сказал Рон хриплым и хриплым голосом. «МакГонагалл сказала, что следующие 24 часа имеют решающее значение. Если он продвинется так далеко...» тогда с ним все будет в порядке. Мистер Уизли был бледен, но, казалось, спокойно отдыхал. Его шею пересекали поблекшие розовые рубцы, похожие на следы когтей какого-то свирепого зверя. Они исчезли под вырезом платья, которое он носил, и Гермиона невольно вспомнила описание Гарри ссоры с Малфоем в туалете Плаксы Миртл. Кровь закружилась в воде. Гарри отшатнулся от шока и ужаса. Миртл кричала во все горло... легкие?

Она наклонилась, чтобы поцеловать мистера Уизли в лоб, намереваясь попрощаться и позволить Рону подождать и понаблюдать за его отцом и сестрой. Возможно, она увидит, составит ли Фред ему компанию — зная его, неисправимый Уизли, вероятно, был в Военной

Комнате с Ремусом, обдумывая следующий ход Ордена. Когда она наклонилась, сумка с палочками качнулась вместе с ней и зазвенела о металлический край кровати.

Взгляд Рона переместился на сумку и на мгновение застыл на ней. Гермиона напряглась и настороженно посмотрела на него, ожидая словесного порицания. Вместо этого он сделал что-то, что Гермионе показалось странным. Он посмотрел через плечо на Гарри, а затем снова на нее, выдержав ее темно-синий задумчивый взгляд.

«Надеюсь, один из них сработает», — мрачно сказал он, прежде чем снова повернуться к отцу.

— Спасибо, — прошептала она и вышла из комнаты. Она чувствовала на себе взгляд Гарри, и жар заливал ее лицо, но она не смотрела на него.

Когда она увидела Тонкс, все еще небрежно сидевшую на своем посту наверху лестницы, она подняла сумку, словно для осмотра.

— Вы не могли бы вызвать Фреда? — спросила Гермиона. «Я подумала... я подумала, что Рон может захотеть, чтобы Фред был там... какое-то время. Я пойду...» она указала на палочки, которые держала в руках, и мотнула головой в сторону спален дальше по коридору.

«Ремус хотел, чтобы он кое на что посмотрел, но они, наверное, закончили. Я сейчас его позову», — сказала Тонкс, вставая на ноги и спускаясь по лестнице. — Удачи, — бросила она через плечо Гермионе, исчезая из виду за углом.

— Спасибо, — сказала Гермиона пустому коридору.

Она дошла до самой дальней спальни в самом конце зала, а потом села на самую дальнюю от двери кровать, ту, что у окна. Она уже засунула свой чемодан под эту кровать. Она положила сумку на матрас рядом с собой и заглянула внутрь, не испытывая особого энтузиазма по поводу изучения палочек. Какая бы из них ни сработала, она всегда будет напоминать мне о том, чего стоило ее получить, — торжественно подумала она, чувствуя невероятное уныние.

"Могу ли я войти?" — раздался голос позади нее, и она повернулась так внезапно, что ей показалось, что она услышала, как лопнул каждый позвонок в ее позвоночнике. Гарри стоял в дверях.

«Тебе не следует вставать с постели», — нерешительно упрекнула она его, пытаясь не обращать внимания на то, как нервно и нервно ее делает одно его присутствие. Она не понимала, почему все так быстро изменилось. Это потому, что я признался в этом себе? Или потому что мы с Роном расстались? Или это просто то, как он смотрит на меня... прямо сейчас? Черт возьми!

— Я в порядке, — его голос был ровным, пренебрежительно относящимся к ее беспокойствам, а его зеленый взгляд был сосредоточен на ее лице. Она почувствовала, как горят ее щеки. —

Гермиона, я...

Отчаянно пытаюсь что-то сделать, она порылась в сумке и вытащила первую палочку, к которой прикоснулись ее пальцы. Она сделала это широким, безрассудным жестом и увидела, как Гарри вздрогнул, когда непроверенная палочка пронеслась перед ним по широкой дуге.

— Извини, — смущенно пробормотала она и повернула палочку в сторону пустого угла, экспериментально взмахнув и взмахнув ею. Что-то похожее на мыльную пену вспенилось с кончика палочки и вяло капало на пол. Гермиона и Гарри смотрели на вязкую жидкость с долей отвращения, и Гермиона бросила палочку на матрас позади себя, вытащив другую. Этот был длиннее и более конусообразным, чем первый, и проделал дыру в дальней стене, которая, к счастью, закрывала шкаф. Гипсовая пыль взметнулась небольшим хлопком, и Гарри закашлялся.

— Гермиона... — попытался сказать Гарри, садясь на кровать напротив нее. Гермиона вытащила третью палочку, в ее глазах появился маниакальный блеск Гермионы. Третья палочка с шумом загрохотала в оконном стекле и загрохотала по доскам пола. — Гермиона... — снова сказал он, когда ее рука снова погрузилась в сумку. Молниеносно он протянул руку и схватил ее за запястье. — Гермиона, остановись! наконец ему удалось выбраться, и какое-то время они сидели неподвижно, глядя друг на друга.

— Я просто пытаюсь выяснить, какая палочка... — начала она, невинно протестуя.

— Я знаю, что ты пытаешься сделать, — загадочно сказал Гарри, и Гермиона поняла, что он говорит не о палочках.

— Гарри... — поспешно сказала она, но Гарри снова ее перебил.

— Что случилось между вами и Роном?

— Что заставляет вас думать, что что-то не так? — спросила Гермиона, вопросительно опустив брови, но голос ее был высоким и фальшивым. Она попробовала четвертую палочку, которая просто ничего не делала. Гарри продолжал смотреть на нее с выражением «не пытайся меня одурачить». Пятая палочка послала по комнате такой скачок напряжения, что свет лампы стал то ярче, то тусклее, и Гермиона почти почувствовала, как ее волосы встали дыбом. Свет в коридоре погас. Гарри явно был готов сидеть и наблюдать за ней всю ночь. Она взяла другую палочку.

— Мы расстались, — выпалила она вдруг, не глядя на него.

"Почему?" — спросил он сбитым с толку голосом, от которого она почему-то стиснула зубы. Неужели он может быть таким невежественным?

— Это никуда не шло, — сказала она легкомысленно, небрежно, но это все же не могло его одурачить. Шестая палочка послала струю огня в стену, которая зажгла занавеси. Они оба вскочили на ноги, обмениваясь взглядами тревоги и беспомощности.

— Вот, — внезапно сказал Гарри, доставая палочку из заднего кармана. «Ты оставил это в лазарете. Ремус вернул мне это. Я действительно не знаю, почему».

«Гарри, твоя палочка не очень хорошо на меня действует», — запротестовала она. Пламя взобралось на льняную панель, как плющ на шпалеру, и балдахин теперь горел.

— Ты предпочитаешь тушить огонь руками? — саркастически спросил Гарри, оглядывая матрасы, на которых еще не было постельного белья. Бросив на него разочарованный взгляд, она выхватила палочку из его рук и произнесла Агуamenti . Потребовалось три попытки, прежде чем был создан достаточный поток воды, чтобы потушить небольшое пламя. От дыма они оба закашлялись, а шторы теперь свисали с окна мокрыми, серыми, рваными клочьями. Гарри подошел к окну и открыл его, позволяя восхитительному свежему ветерку циркулировать по комнате.

— Спасибо, — сказала Гермиона, возвращая палочку Гарри. Она достала из мешка седьмую палочку и довольно настороженно посмотрела на нее.

— Значит, никуда не денешься? — сказал Гарри, улавливая нить их разговора, который был до того, как она подожгла комнату.

"Гарри!" Гермиона запротестовала, ее тон ясно говорил, что она не хочет говорить об этом. Она посмотрела на него искоса и заметила его бледность и закопченные круги под глазами, которые не имели никакого отношения к недавнему пожару. «Тебе следует лечь в постель», — сказала она тем же тоном, которым сказала бы, что нужно закончить сочинение или подготовиться к экзамену.

«Вы не можете просто отправить меня в постель, потому что не хотите отвечать на мой вопрос», — с усмешкой заметил он. Она попробовала седьмую палочку, пытаясь избежать разговора. Мягкий ветерок прошелестел по комнате, сметая остатки дымного запаха, и прозвучала музыка, низкая и яркая.

— Вау, — благоговейно выдохнула Гермиона, держа в раскрытой ладони тонкую, искусно вырезанную палочку из виноградной лозы.

— Думаю, ты нашел свою палочку, — заметил Гарри, глядя не на палочку, о которой идет речь, а на нее. Ее пальцы сомкнулись вокруг палочки, и она скрестила руку, поднеся палочку к груди.

"По какой цене?" — спросила она, думая о хрупком, израненном теле мистера Уизли на кровати в конце коридора.

— По крайней мере, ты нужен, — несчастно сказал Гарри, злобно глядя на свою палочку, словно хотел сломать ее пополам и швырнуть обе части через всю комнату. Гермиона бросила на него укоризненный взгляд.

«Гарри...» начала она, не будь смешным тоном.

"Будь реалистом, Гермиона!" — рявкнул он, и она вернулась к их недавнему разговору на чердаке. «Ты не можешь притворяться, что я полезен только потому, что ты — только потому, что я — мы друзья». Он начал отсчитывать точки на пальцах. «Я не могу сражаться, потому что у меня нет магии. Я не могу уйти, потому что вы все еще будете здесь сражаться за свои жизни, и я никогда не смогу избежать этого или забыть об этом. Я даже не могу... я не могу даже... -- он на мгновение остановился, тяжело и неровно дыша, и затем закончил свою фразу. «Я даже не могу умереть».

Гермиона замерла, держа палочку на груди, и посмотрела на него круглыми потрясенными глазами.

"Гарри!" — прошептала она, и он выглядел смущенным тем, что излил на нее свою ношу.

— Я... я думал об этом, — мягко признался он и выглядел пораженным, когда ее глаза медленно наполнились слезами. — Но — но пока я жив — пока Волдеморт ищет меня, тогда это... это еще один момент, когда часть его концентрации сосредоточена на мне, а не на убийстве кого-то другого.

— Ты мне нужен, — пробормотала Гермиона, возвращаясь к его предыдущему заявлению. Гарри внезапно поднял на нее глаза, горящие зелеными глазами, как будто это было не то, что он ожидал услышать.

«Гермиона, ты такая... ты такая сильная, смелая и... и умная. Ты не нуждаешься во мне. Я не думаю, что тебе нужен кто-то». Он слегка улыбнулся, и Гермиона знала, что он имел в виду комплимент, но это все равно кольнуло. Я нуждался в Тебе. Почему этого никогда не было достаточно? Слова Рона болезненно прозвучали в ее ушах.

— Это фасад, Гарри, — сказала Гермиона с водянистой улыбкой. "Последние несколько дней я никогда не был так напуган, сломлен и потерян. Ты видел меня наверху. И нет никакой доблести в том, чтобы быть похороненным за книгой. Ты думаешь, я сильный? И смелый? дай мне силу и мужество. Когда я смотрю на тебя и думаю обо всем, через что ты прошел, зная, что каким-то образом твое чувство чести и благородства и сила твоего характера остались нетронутыми, это — это дает мне — ты даешь мне — надежду. Это заставляет меня осознать, что, может быть, будущее есть — будет хорошее, сильное и благородное — иногда я на него надеюсь, несмотря ни на что, вопреки себе». Гарри казался загипнотизированным ее словами.

"Даже сейчас?" он спросил.

— Да, — кивнула Гермиона, ее сердце билось в глазах. «Даже сейчас. Особенно сейчас».

Он жадно смотрел на нее, его глаза двигались, скользя по чертам ее лица. Она увидела желтоватые опухшие места, которые были частично зажившими синяками. Кровоизлияние в его глазу было меньше, но все еще присутствовало, а на губе была неприятная трещина, которая не полностью зажила. На нем были новые очки, и его волосы были блестящими и чистыми. Ему нужно подстричься, почти по-матерински подумала она. Он казался разорванным, на его губах пыталась заиграть улыбка, но темные тени того, через что он прошел, все еще смутно отражались в ярко-зеленых глазах.

Они сидели на кровати, их ноги свисали с противоположных сторон, но их туловища почти выровнялись посередине. Гарри откинулся на здоровой руке. Взгляд Гермионы рассеянно блуждал по его все еще заколотым пальцам.

— Я думаю, — сказал Гарри тихим, нерешительным голосом, — что это самая приятная вещь, которую кто-либо когда-либо говорил мне. Щеки Гермионы вспыхнули, и внезапно его лицо показалось очень близко к ее лицу.

— Я уверена, — тихо прошептала она, пытаясь говорить непринужденно, — что Чжоу — или Джинни — наговорили тебе кучу приятных слов. Он умышленно покачал головой, не сводя с нее глаз, и Гермиона задумалась, нормально ли чувствовать себя такой пугливой и взволнованной — или будто что-то пугливое и взволнованное поселилось где-то в ее животе.

— Нет, — ответил он, и его рука оказалась поверх ее. "Ты чувствуешь это?"

"Чувствовать - чувствовать что?" — пробормотала она, хотя знала, что он имел в виду. Ей хотелось плакать - вся ситуация была нелепой. Они проигрывали войну; его лишили магии, и на его голову был выдан ордер; она только что рассталась с другим их лучшим другом; они потеряли десятки людей, которых знали, за один день. Тогда почему эта дурацкая улыбка на моем лице, подумала она. Все ее аргументы с Роном против такого рода вещей применимы и здесь; она никогда не сомневалась в их обоснованности и правдивости.

Вот только я не любила Рона, наконец сказала она себе и обнаружила, что отвечает на взгляд Гарри своим собственным напряженным взглядом.

Она не была уверена, кто двинулся первым. Все, что она знала, это то, что губы Гарри едва коснулись ее, когда дверь с грохотом распахнулась. Гермиона начала достаточно резко, чтобы сбить выброшенные палочки с кровати, где они с шумом приземлились и покатались в разные и случайные места в комнате.

Невилл стоял в дверях, выглядя подавленным.

— Я... прости. Я был... Ремус сказал, что Гарри должен... — пробормотал он, его лицо было таким же красным, как Гермиона представляла себе свое. Гарри отвернулся от нее, но она

также могла видеть красное пятно на его шее и ушах.

— Нет, — Гермиона вскочила и поспешила заговорить, — нет, мы не были — ничего не происходило. Я пробовала палочки, и... — Невилл выглядел так, словно отчаянно хотел уйти, хотя Гермиона могла поклясться, что в глубине его глаз мелькнуло что-то вроде веселья. — Ты ничего не скажешь, да? — сказала она с тихим отчаянием, отбросив всякое притворство и вызвав заметное удивление Гарри.

— Это не мое дело, — пробормотал Невилл, устремив взгляд куда-то за ее правое плечо. Он начал пробираться к двери.

— Не уходи, — сказала Гермиона самым гостеприимным голосом. — Я просто... я собиралась. В любом случае, мне нужно показать им мою новую палочку. Рон, наверное, хотел бы... — Она бросила последний беспомощный взгляд на Гарри и убежала только во второй раз за день.

<http://tl.rulate.ru/book/80752/2456997>